

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Виктор Толявкин

МЯЧ И ЧИЖ

*Издательство
„Детская литература“*

ВИКТОР ГОЛЯВКИН

МЯЧ И ЧИЖ

РАССКАЗЫ

Издательство
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Москва 1972

Виктор Владимирович Голявкин родился в 1929 году в городе Баку, в семье педагога. В Баку он провёл своё детство и юность. Закончил художественное училище в Душанбе и Институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина в Ленинграде. Когда начал писать книги для детей, он не забыл, что он художник, и многие свои книги стал иллюстрировать сам. Первая его книга «Тетрадки под дождём» вышла в 1959 году. С тех пор появилось немало других его книг — «Наши с Вовкой разговоры», «Кому что удивительно», «Паровозик в небе», «Кто такой Алян?», повести «Город в море», «Мой добрый папа», «Рисунки на асфальте», «Ты приходи к нам, приходи», «Полосы на окнах» и другие. Для взрослых он написал юмористические рассказы «Привет вам, птицы» и роман «Арфа и бокс».

В книгу «Мяч и чиж» вошли рассказы, взятые из разных его книг. Это смешные истории о непоседах, выдумщиках и озорниках — таких же ребятах, каких немало и среди юных читателей. Живой, весёлый и добрый этот народ автор хорошо знает, потому что отлично помнит, как сам был мальчишкой, подростком, а потом юношей, о чём интересно и правдиво рассказал в автобиографических книгах «Мой добрый папа», «Рисунки на асфальте» и «Арфа и бокс».

Свои отзывы об этой книге присылайте по адресу: Москва, А-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

Рисунки автора

КАК Я БОЯЛСЯ

Когда я впервые шёл в школу первого сентября в первый класс, я очень боялся, что меня там будут сразу что-нибудь сложное спрашивать.

Например, спросят: сколько будет 973 и 772? Или: где находится такой-то город, который я не знаю, где он находится. Или заставят быстро читать, а я не смогу — и мне поставят двойку.

Хотя родители меня уверяли, что ничего подобного не произойдёт, я всё равно волновался.

И вот такой взволнованный, растерянный, даже напуганный я вошёл в класс, сел за парту и тихо спросил своего соседа:

— Писать умеешь?

Он покачал головой.

— А девятьсот семьдесят три и семьсот семьдесят два можешь сложить?

Он покачал головой и испуганно на меня посмотрел.

— А быстро умеешь читать?

Он совсем перепугался, чуть под парту не полез. Читать он совершенно не умел.

Я кое-как читать умел, но всё равно боялся.

В это время учительница спросила меня, как моя фамилия, а я решил, что меня сейчас заставят быстро читать или слагать большие цифры, и сказал:

— Я ничего не знаю!

— Чего не знаешь? — удивилась учительница.

— Ничего я не знаю! — крикнул я испуганно.

— А как зовут тебя, знаешь?

— Не знаю! — сказал я.

— Ни фамилии своей, ни имени не знаешь?

— Ничего не знаю!

В классе засмеялись.

Тогда я сквозь шум и смех класса крикнул во всё горло:

— Свою фамилию и своё имя я знаю, но больше я ничего не знаю!

Учительница улыбнулась и сказала:

— Кроме имени и фамилии, никто вас больше спрашивать ни о чём не будет. Пока ещё никто из вас почти ничего не знает. Для этого вы и пришли в школу, чтобы учиться и всё знать. Вот с сегодняшнего дня мы и начнём с вами учиться.

Тогда я смело назвал свою фамилию и своё имя.

Мне даже смешно стало, что я сначала боялся.

А сосед мой назвал своё имя и фамилию раньше, чем его об этом спросили.

ПАРОВОЗИК В НЕБЕ

Шёл Ника в школу, остановился. Стал в небо смотреть, на облака. Даже рот раскрыл, до того засмотрелся.

Плывут облака по небу. Вон одно облако, как петух. Вон другое — похоже на зайца. Третье — белый медведь бежит.

«Чудеса какие! — думает Ника. — Забавно как получается: по небу звери и птицы плывут!»

Спешат мимо ребята в школу. Только Ника пока не торопится.

Он слегка недоволен небом. Одни только звери плывут по нему. Вот если бы паровозик проплыл! Хорошо бы с вагончиками. Без вагончиков тоже неплохо. Но с вагончиками всё же лучше.

Ждёт Ника паровозик.

А его нет.

А Ника ждёт.

А паровозик всё не появляется.

Может, ещё появится?

РАССЕЯННЫЙ

Бывают же такие рассеянные люди!

Вот послушайте.

У Ники с парты упала ручка. И он полез искать ручку под партой. Он долго ползал под партой, до тех пор, пока Анна Петровна ему не сказала:

— Ну, Ника, хватит тебе там ползать!

— Я сейчас, — говорит Ника. И он вылезает из-под парты, только совсем из-под другой, и садится совсем за другую парту, с Костей Кошкиным. Костя в этот раз один сидел.

Кошкин даже испугался, — представляете, вдруг вылезает кто-то и садится! Тем более, он не узнал сразу Нику.

Он как закричит:

— Ой, кто это?!

А Ника тоже сразу не понял, в чём дело. Растерялся и говорит:

— Это я.

Тут Костя Кошкин узнал Нику и говорит:

— Ты зачем тут очутился?

Ника растерянно отвечает:

— Не знаю.

— Как это так не знаешь?

— Я думал, я сел за свою парту. А оказалось вдруг — не за свою. Это как-то так получилось! Вот это да!

Анна Петровна спрашивает:

— Ну, а ты ручку нашёл?

— Ой, — говорит Ника, — я забыл, зачем я полез под парту...

АБСОЛЮТНО ВЕРНО

— Ты опять завтракаешь на уроке?

Валя быстро спрятала завтрак в парту.

— Что будет, — сказал учитель, — если все будут завтракать на уроке?

Класс зашумел. Потому что каждый хотел сказать, что тогда будет.

Коля сказал:

— Будет очень смешно!

Миша сказал:

— Жеванье будет!

Маша сказала:

— Все сытые будут!

— А чего не будет? — спросил учитель. Класс молчал. Чего не будет — никто не знал. Учитель хотел уже сам ответить, как вдруг кто-то крикнул:

— Урока не будет!

— Абсолютно верно, — сказал учитель.

БОЛТУНЫ

Сеня и его сосед по парте не заметили, как вошёл учитель. Сеня нарисовал на ладони себя и показал соседу.

— Это я, — сказал он. — Похоже?

— Нисколько, — ответил Юра, — у тебя не такие уши.

— А какие же у меня уши?

— Как у осла.

— А у тебя нос, как у бегемота.

— А у тебя голова, как еловая шишка.

— А у тебя голова, как ведро.

— А у тебя во рту зуба нет...

— А ты рыжий.

— А ты селёдка.

— А ты вуалехвост.

— А что это такое?

— Вуалехвост — и всё.

— А ты первердер...

— Это ещё что значит?

— Значит, что ты первердер.

— А ты дырбыртыр.

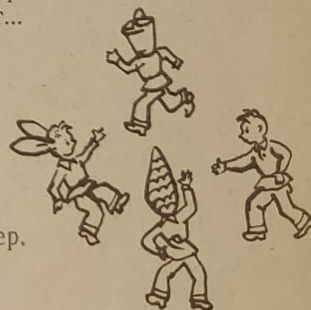
— А ты выртырвыр.

— А ты rrrrrrrr...

— А ты zzzzzzz...

— А ты-ы! — сказал Юра и увидел рядом учителя.

— Хотел бы я знать, — спросил учитель, — кто же всё-таки вы такие?

ЯАНДРЕЕВ

Всё из-за фамилии происходит. Я по алфавиту первый в журнале; чуть что, сразу меня вызывают. Поэтому и учусь хуже всех. Вот у Вовки Якулова все пятёрки. С его фамилией это нетрудно, — он по списку в самом конце. Жди, пока его вызовут. А с моей фамилией пропадёшь. Стал я думать, что мне предпринять. За обедом думаю, перед сном думаю — никак ничего не могу придумать. Я даже в шкаф залез думать, чтобы мне не мешали. Вот в шкафу-то я это и придумал.

Прихожу в класс, заявляю ребятам:

— Я теперь не Андреев. Я теперь Яандреев.

— Мы давно знаем, что ты Андреев.

— Да нет, — говорю, — не Андреев, а Яандреев, на «Я» начинается — Яандреев.

— Ничего не понятно. Какой же ты Яандреев, когда ты просто Андреев? Таких фамилий вообще не бывает.

— У кого, — говорю, — не бывает, а у кого и бывает. Это позвольте мне знать.

— Удивительно, — говорит Вовка, — почему ты вдруг Яандреевым стал!

— Ещё увидите, — говорю.

Подхожу к Анне Петровне:

— У меня, знаете, дело такое: я теперь Яандреевым стал. Нельзя ли в журнале меня изменить. Что-бы я на «Я» начинался.

— Что за фокусы? — говорит Анна Петровна.

— Это совсем не фокусы. Просто мне это очень важно. Я тогда сразу отличником буду.

— Ах, вот оно что! Тогда можно. Иди, Яандреев, урок отвечать.

БЫЛ НЕ КРАЙНИЙ СЛУЧАЙ

В классе все пересказ писали, а я, как назло, в этот день заболел. Через пять дней только явился в школу.

Анна Петровна сказала мне:

— Вот возьми домой книжку, прочти её и напиши своими словами. Только не больше двух раз прочти.

— А если я не запомню?

— Пиши, как запомнишь.

— А третий раз ни за что нельзя?

— В крайнем случае — можно.

Пришёл я домой. Прочёл два раза. Как будто запомнил. Забыл только, как слово «окно» писать — через «а» или «о». А что, если книжку открыть и заглянуть разок? Или это не крайний случай? Наверное, это не крайний случай. Ведь в основном я всё запомнил. Спрошу-ка я лучше у папы, можно мне заглянуть в третий раз или нет.

Папа сказал:

— Этот случай не крайний. Есть правило о безударных гласных. И ты должен знать это правило. Правило я забыл. Пришлось наугад писать.

Анна Петровна прочла рассказ.

— Что же ты слово «окно» через «а» написал?

Я говорю:

— Был не крайний случай. И я не мог в третий раз заглянуть в книжку. А то бы я правильно написал.

«КОЗЁЛ-БАРАН»

У нас в школе есть урок пения. Мы там разные песни поём. Я вообще люблю песни петь, только слов я иногда не знаю. Учить слова никому неохота. Хорошо, когда сразу запомнишь. Только разве сразу запомнишь?

Однажды Вовка пел песню. Он совсем слов не знал. Так он пел другие слова. Какие попало. И никто не заметил.

В одной песне я тоже слов не знала. Учитель вызвал меня эту песню спеть. Я сказала учителю:

— Пожалуйста, я вас прошу погромче. А то мне не слышно будет.

А про себя думаю: «Он не услышит, что я буду петь, а я буду петь что попало».

Он посмотрел на меня и сказал:

— С удовольствием! — и заиграл во всю силу.

А я тихо запела. Я пела два слова: «Козёл-баран». Только мотив я верно пела. А слова были «козёл-баран».

Учитель не остановил меня. Он не сделал мне замечания. Только когда я петь кончила, он спросил:

— Хорошо было слышно?

— Хорошо, — говорю, — очень даже!

— А теперь, — говорит, — я играть буду тихо. А ты пой погромче. Только, пожалуйста, без козла. И без барана, конечно...

КАК Я ВСЕХ ОБМАНУТЬ ХОТЕЛ

Мне про это рассказывать даже не хочется. Но я всё-таки расскажу. Все думали, я и вправду больной, а флюс у меня был ненастоящий. Это я промо-кашку под щёку подсунил, вот щека и раздулась. И вдобавок гримасу строил — вот, мол, как зуб у меня болит! И мычу слегка; это я всё нарочно сделал, чтоб урок не спросили. И Анна Петровна поверила мне. И ребята поверили. Все жалели меня, переживали. А я делал вид, что мне очень больно.

Анна Петровна сказала:

— Иди домой, раз у тебя так зуб болит.

Но мне домой совсем не хотелось. Языком промо-

кашку во рту катаю и думаю: «Здорово обманул я всех!»

Вдруг Танька Ведёркина как заорёт:

— Ой, смотрите, флюс у него на другой стороне!

ПРО МЕТАЛЛОЛОМ

Толик вёз по улице старую, заржавленную кровать. А Маша везла старый, заржавленный якорь.

Они везут это в школу, поскольку — металлолом.

Толик говорит:

— В моей кровати весу больше, чем в твоём дурацком якорё. Значит, я больше тебя собрал.

Маша говорит:

— Это ещё неизвестно. Мой якорь весь полный, а кровать твоя надутая.

Толик даже остановился.

— Как это то есть надутая?

— Очень просто: мой якорь сплошной, а кровать у тебя не сплошная.

— А какая же у меня кровать? — говорит Толик.

Маша тоже остановилась и говорит:

— У тебя кровать надутая.

— Глупости какие! — говорит Толик. — Как это может такое быть — что она, мячик, что ли?

— Она не мячик, — говорит Маша, — но тем не менее она надутая. Вот эти железки, они ведь внутри пустые. А якорь мой весь внутри полный. Он не надутый, если ты хочешь знать!

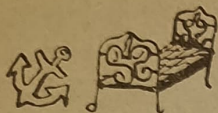
— Ржавый твой якорь! — говорит Толик.

— Надутая твоя кровать! — говорит Маша.

— С разбитого корабля твой якорь! — говорит Толик.

В это время шла мимо старушка. Она несла в сумке бананы. Старушка с бананами говорит:

— Положите вы на кровать этот якорь. И вместе всё это тащите.

Но Толик сказал:

— Это мой металлолом.

И Маша сказала:

— Это мой металлолом.

— Ах, вот оно что! — сказа-

ла старушка. — Я этого и не знала. — И она ушла.

А Толик с Машей сначала удивились, почему так сказала старушка, а потом удивились, почему они так сказали старушке, потому что неважно, чья это кровать и чей якорь. Потому что это для всех.

И они так и сделали, как им сказала старушка с бананами.

**НЕУЖЕЛИ ВЫ НЕ ПОНИМАЕТЕ,
КАТЕРИНА МИТРОФАНОВНА!**

Один раз мы весь день макулатуру собирали, чтобы на первое место выйти.

Мы сначала не знали, куда её складывать, а потом подумали и решили в сарай к тётке Кате складывать, чтоб потом всю сразу сдать в школу. У неё там дрова лежали. Она сказала, что у неё в сарае места нет, но мы сказали — место найдём. Тогда она согласилась, но места, говорит, там всё равно нет.

Мы место сразу нашли, только несколько поленьев за сарай побросали.

Потом ещё несколько поленьев за сарай побросали.

Потом видим — макулатура всё прибавляется, — и мы ещё несколько поленьев за сарай побросали.

Пёс Бобик заметил, что мы в сарай разную бума-

гу кладём, и стал нашу макулатуру в клочья разрывать и на двор выкидывать. Мы прямо ахнули, когда такую картину увидели.

Поставили мы часового — дошкольника Андрюшу Лушкина, — чтобы он Бобика в сарай не пускал.

А Андрюша стоял, стоял, а потом пропал. Оказалось, он зашёл в сарай и уснул на макулатуре. Мы на него новую кучу бумаг свалили, а он и не заметил.

Тут оказалось, что надо ещё несколько поленьев за сарай побросать.

Сначала мы Андрюшу не увидели, а потом перепугались — представляете: человек лежит! Мы только отбежали на некоторое расстояние, и тут выходит из сарая Андрюша Лушкин, заспанный весь до неузнаваемости, и на голове бумажка.

Мы сразу его к маме повели, чтобы он где-нибудь опять не потерялся. Он всё время вырывался и кричал: «Никуда я не пойду!» Но всё-таки Лушкин свою задачу выполнил: не пустил Бобика в сарай, хотя и спал.

После дождь пошёл. Мы все дрова за сарай побросали, чтоб вся макулатура поместилась. Если наша бумага намокнет, скажут — специально намочили, чтобы на первое место выйти.

В это время тётка Катя нам из окна кричит:

— Сейчас же кладите мои дрова обратно, а не то я милиционера позову!

Я ей объясняю, что мы государственное задание выполняем и за первое место соревнуемся, а она слушать не хочет и кричит на нас.

Мы двери сарая загородили и так стоим, взявшись за руки. Она, рассерженная, выбегает во двор.

Дождь прошёл, и люди стали во двор выходить прогуляться. Тем более — воскресенье. Кто на велосипеде выехал, а кто просто так, без велосипеда, свежим воздухом подышать. Некоторые сели на лавочку и на нас смотрят.

Она так кричала, на всю улицу слышно было. А мы стояли, взявшись за руки, и загораживали вход в сарай.

Вокруг нас собираться стали.

Мы объясняем, какое это важное государственное дело и что мы должны на первое место выйти.

Сосед, художник Гусев, говорит:

— Неужели вы не понимаете, Катерина Митрофановна, что из этого, на первый взгляд, как вы изволили выразиться,хлама появится много книжек с моими иллюстрациями! А с вашими дровами ничего до завтра не произойдёт.

Шофёр дядя Вася говорит:

— Вы, Катюша, до завтра подождите, я завтра ребятам всю эту музыку на своей машине отвезу.

— А если опять дождь на мои дрова пойдёт?

Дядя Вася улыбается и говорит:

— Я вам обещаю, не пойдёт. Смотрите, какая погодка замечательная разгулялась!

Очень многие стали поддерживать художника Гусева и дядю Васю.

А мы всё так же стояли, взявшись за руки, и загораживали вход в сарай.

Тётя Катя видит такое дело и говорит:

— Если общественность требует, я уйду. Но только до завтра.

И она уходит.

А к нам подходит пенсионер дядя Петя Макагонов и говорит:

— Я рад пожать ваши руки. Мне по душе такие стойкие, упорные ребята. А эти дрова — какая-то абстракция. Ведь всем нам известно, товарищи, уже пять лет как в нашем доме паровое отопление. Пять лет лежат эти дрова. Это полная абстракция, товарищи...

Он ещё раз пожал нам руки и ушёл.

А мы, довольные, побежали за следующей макулатурой.

На другой день дядя Вася отвёз нас вместе с макулатурой в школу.

А потом мы вышли на второе место.

Если бы нас тётя Катя не задержала своими разговорами, мы непременно бы на первое место вышли.

Неужели вы не понимаете этого, Катерина Митрофановна?

ВТОРОКЛАССНИКИ И СТАРШЕКЛАССНИКИ

Второклассники были взволнованы. Они шумели. Вот один октябрёнок влез на стул и, обращаясь к старшим, сказал:

— Вы наши шефы. Мы все вас очень любим. И поэтому мы вам хотим помочь. Вы плохо натёрли пол в коридоре. Он совсем не блестит. А он должен блестеть — это каждый знает. Разрешите, пожалуйста,

ста, нам это сделать. Натереть пол в коридоре, чтоб он блестел.

Старшеклассники были очень сконфужены. Они написали в стенгазету:

«Мы шестиклассники. Нам стыдно вчерашних позорных минут. Мы переживаем. Мы плохо натёрли пол в коридоре. И мы благодарны второму «А», который пришёл нам на помощь. Но мы исправим свою ошибку. Мы в скором времени соберёмся и все вместе, всем коллективом, натрём пол до блеска. Пусть второклассники не беспокоятся. Всё будет сделано. Мы всё сделаем сами».

Но октябрюта не стали ждать. Они натёрли пол в тот же день. А на другой день прочли стенгазету. И написали свою заметку.

«Мы, второклассники, извиняемся. Мы без разрешения натёрли пол. Не переживайте. Мы всё сделали сами».

ЕЖ

Принёс я в класс ежа. Никуда его не вытаскиваю. Сидит он в сумке. Никто про него не знает. Вдруг учитель говорит: «Что это такое?» Я говорю: «Еж». — «Где ёж?» — спрашивает учитель. «Здесь», — говорю. А он говорит: «А вообще я не тебя спрашиваю. Я Мишу Галкина спрашиваю», — и на доску показывает. «Это существительное», — говорит Миша Галкин. «Правильно, — говорит учитель, — а ты выйди с ежом!»

ПАРОХОД И ЛОШАДЬ

Когда я ходил в школу, в первый класс, я любил рисовать пароходы. Я всем хвалился: вот какие замечательные пароходы я могу рисовать!

И вот однажды я спросил одного мальчишку, может ли он нарисовать такой же замечательный пароход. Я тут же нарисовал большой пароход с трубами, всё, как полагается. Потом я подрисовал море синим карандашом, а красным карандашом — флаг на мачте, и получилось совсем хорошо: плывёт по морю пароход, а на мачте у него развевается красный флаг.

Мальчишке понравился мой корабль, но он мне сказал:

— Я могу лошадь нарисовать.

И он нарисовал лошадь.

Эта лошадь была так хорошо нарисована, что я больше не хвалился своими пароходами, потому что такую лошадь я не сумел бы нарисовать никогда!

УДИВИТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Анна Петровна написала на доске: ВЕСНА, ТРАКТОРЫ, НАСТУПИЛА, ЗАГУДЕЛИ.

И сказала:

— Составьте предложение из этих слов.

Саша встал и прочёл:

— НАСТУПИЛА ВЕСНА, ТРАКТОРЫ ЗАГУДЕЛИ.

— Запишите это в тетрадь, — сказала Анна Петровна.

Вдруг Катя говорит:

— Смотрите! А он написал: НАСТУПИЛИ ТРАКТОРЫ, ВЕСНА ЗАГУДЕЛА!

Анна Петровна говорит:

— Это ты, Саша, так написал? Ты ведь правильно прочёл.

— А мне хотелось по-другому написать, чтобы по-другому было, — говорит Саша.

— Я не просила писать по-другому, — говорит Анна Петровна, — но раз такая необходимость...

— Я и так, и так напишу, — говорит Саша. — Сначала ЗАГУДЕЛА ВЕСНА, а потом ВСЕ ТРАКТОРЫ ПОШЛИ В НАСТУПЛЕНИЕ НА ЗЕМЛЮ...

— Весна загудела? — сказала Анна Петровна. — Гм...

Вдруг Саша говорит:

— А я ещё по-другому придумал: только там вместо тракторов танки, а вместо весны — война: НАСТУПИЛА ВОЙНА, ТАНКИ ЗАГУДЕЛИ...

— Давайте лучше без войны, — сказала Анна Петровна.

— Пожалуйста, — сказал Саша, — ОТКРЫ-

ЛАСЬ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЯ, ПРОВОДА ЗАГУДЕЛИ... А ещё, — сказал Саша, — ТРУБЫ ЗАГУДЕЛИ, ПАРАД НАЧАЛСЯ...

Тут все стали кричать, как ещё может быть. Все стали выдумывать и стараться.

Прозвенел звонок, но ребята не вставали, а продолжали говорить, как ещё может быть.

Все придумывали разные варианты, а некоторые даже считали, сколько их получается.

А по дороге домой Саша даже сочинил стихотворение:

Весною тракторы гудят
И солнце с неба светит,
Скворцы со всех сторон летят
На целом белом свете!

Вот какое это было удивительное предложение!

В ЛЮБОМ ДЕЛЕ НУЖНО УМЕТЬ РАБОТАТЬ

У нас в школе открылась секция бокса. Туда записывали самых смелых. Подающих надежды. Я сейчас же пошёл записаться, потому что давно подавал надежды. Так все ребята считали. После того как я хотел Мишку стукнуть и промахнулся. И кулаком попал в стенку. И кусок штукатурки отбил. Все тогда удивились. «Вот так дал! — говорят. — Вот это удар!» Я всё ходил с распухшей рукой и всем показывал: «Видишь? Вот у меня удар какой! Не выдерживает рука. А то я, пожалуй, и стенку пробил бы!»

— Насквозь?! — удивлялись ребята.

С тех пор за мной пошла слава сильнейшего. Даже после того, как рука прошла. И показывать было нечего.

И вот я пришёл первым в секцию. И записался. И ещё ребята пришли. И Мишка тоже записался.

Начались занятия.

Я думал, нам сразу наденут перчатки и мы будем драться друг с другом. Я всем дам нокаут. Все скажут: «Вот это боксёр!» А тренер скажет: «Эге, да ты чемпионом будешь! Надо тебе шоколад больше есть. Мы попросим у государства, чтоб государство тебя бесплатно кормило. Шоколадом и разными там сладостями. Раз такой редкий талант появился».

Но тренер не дал перчаток. Он выстроил нас по росту. Сказал: «Бокс — дело серьёзное. Пусть все об этом подумают. А если кто из вас по-другому думает, то есть что бокс несерьёзное дело, пусть тот спокойно покинет зал».

Зал никто не покинул. Построились в пары. Как будто бы не на бокс пришли, а на урок физкультуры. Потом разучивали два удара. Махали руками по воздуху. Иногда тренер нас останавливал. Говорил, мы неправильно делаем. И начиналось сначала. Один раз тренер сказал кому-то:

— Вон тот, в широченных штанах, что ты делаешь?

Я вовсе не думал, что это мне, а тренер ко мне подошёл и сказал, что я бью левой рукой вместо правой, в то время как все бьют только правой, и неужели нельзя быть внимательней.

Я обиделся и не пришёл больше. Очень мне нужно, думал я, заниматься какой-то глупостью. С моим-то ударом! Когда я стенку могу пробить. Очень мне всё это нужно! Пусть Мишка там занимается. И другие. А я приду, когда будут драться. Когда наденут перчатки. И тогда мы посмотрим. Очень мне нужно просто руками махать! Это прямо смешно.

Я перестал ходить в секцию. Только Мишку спрашивал:

— Каково? Всё руками машете?

Я всё смеялся над Мишкой. Дразнил его. И всё спрашивал:

— Ну, каково?

А Мишка молчал. Иногда говорил:
— Никаково.

Однажды он мне говорит:

— Завтра спарринг.

— Чего? — говорю.

— Приходи, — говорит, — сам увидишь. Спарринг — это учебный бой. Мы, в общем, драться будем. То есть работать. По-нашему так.

— Ну, работай, работай, — я говорю. — Зайду завтра к вам, поработаем.

Захожу в секцию на другой день.

Тренер спрашивает:

— Ты откуда?

— Я, — говорю, — здесь записан.

— Ах, вот оно что!

— Я в спарринг хочу.

— Ну! — сказал тренер.

— Ну да! — сказал я.

— Всё ясно, — говорит тренер. Он надел мне перчатки. И Мишке надел перчатки. — Слишком ты боевой, — сказал он.

Я сказал:

— Разве это плохо?

— Хорошо, — сказал он. — Очень даже.

Мы с Мишкой вышли на ринг.

Я размахнулся и как ударю! Но мимо. Я второй раз размахнулся — и сам упал. Значит, опять промахнулся.

Я смотрю на тренера. А тренер говорит:

— Работай, работай!

Я встал и опять замахнулся, как вдруг Мишка мне как стукнет! Я хотел его тоже стукнуть, а он мне как трахнет в нос!

Я даже руки опустил. И не пойму, в чём дело.

А тренер говорит:

— Работай, работай!

Мишка говорит тренеру:

Мне с ним неинтересно работать.

Я разозлился, на Мишку кинулся и упал снова. Не то споткнулся, не то от удара.
— Нет, — говорит Мишка, — я с ним работать не буду. Он всё время падает.

Я говорю:

— Я не всё время падаю. Я ему дам сейчас!

А он мне в нос как даст снова!

И я опять на пол сел.

А Мишка уже перчатки снимает. И говорит:

— Нет, это просто смешно мне с ним работать. Он совсем не может работать.

Я говорю:

— Ничего нет смешного... Я сейчас встану...

— Как хочешь, — говорит Мишка, — можешь и не вставать, это вовсе неважно.

ПРЕМИЯ

Оригинальные мы смастерили костюмы — ни у кого таких не будет! Я буду лошадыю, а Вовка рыцарем. Только плохо, что он должен ездить на мне, а не я на нём. И всё потому, что я чуть младше. Видите, что получается! Но ничего не поделаешь. Мы, правда, с ним договорились: он не будет на мне всё время ездить. Он немножко на мне поездит, а потом слезет и будет меня за собой водить, как лошадей за уздечку водят.

И вот мы отправились на карнавал.

Пришли в клуб в обычных костюмах, а потом переоделись и вышли в зал. То есть мы въехали. Я полз на четвереньках. А Вовка сидел на моей спине. Правда, Вовка мне помогал — по полу перебирал ногами. Но всё равно мне было нелегко.

К тому же я ничего не видел. Я был в лошадиной маске. Я ничего совершенно не видел, хотя в маске и были дырки для глаз. Но они были где-то на лбу. Я полз в темноте. Натыкался на чьи-то ноги. Раза

два налетал на колонну. Да что и говорить! Иногда я встряхивал головой, тогда маска съезжала, и я видел свет. Но на какой-то миг. А потом снова сплошная темень. Ведь не мог я всё время трясти головой!

Я хоть на миг видел свет. Зато Вовка совсем ничего не видел. И всё меня спрашивал, что впереди. И просил ползти осторожнее. Я и так полз осторожно. Сам-то я ничего не видел. Откуда я мог знать, что там впереди! Кто-то ногой наступил мне на руку. Я сейчас же остановился. И отказался дальше ползти. Я сказал Вовке:

— Хватит. Слезай.

Вовке, наверное, понравилось ездить, и он не хотел слезать. Говорил, что ещё рано. Но всё же он слез, взял меня за уздечку, и я пополз дальше. Теперь мне уже было легче ползти, хотя я всё равно ничего не видел.

Я предложил снять маски и взглянуть на карнавал, а потом надеть маски снова. Но Вовка сказал:

— Тогда нас узнают.

Я вздохнул и пополз дальше.

— Наверное, весело здесь, — сказал я. — Только мы ничего не видим...

Но Вовка шёл молча. Он твёрдо решил терпеть до конца. Получить первую премию.

Мне стало больно коленкам. Я сказал:

— Я сейчас сяду на пол.

— Разве лошади могут сидеть? — сказал Вовка. — Ты с ума сошёл! Ты же лошадь!

— Я не лошадь, — сказал я. — Ты сам лошадь.

— Нет, ты лошадь, — ответил Вовка. — И ты знаешь прекрасно, что ты лошадь. Мы не получим премии!

— Ну и пусть, — сказал я. — Мне надоело.
— Не делай глупостей, — сказал Вовка. — По-
терпи.

Я подполз к стене, прислонился к ней и сел на пол.

— Ты сидишь? — спросил Вовка.

— Сижу, — сказал я.

— Ну ладно уж, — согласился Вовка. — На полу ещё можно сидеть. Только смотри не сядь на стул. Тогда всё пропало. Ты понял? Лошадь — и вдруг на стуле!..

Кругом гремела музыка, смеялись.

Я спросил:

— Скоро кончится?

— Потерпи, — сказал Вовка, — наверное, скоро...

Вовка тоже не выдержал. Сел на диван. Я сел рядом с ним. Потом Вовка заснул на диване. И я заснул тоже.

Потом нас разбудили и дали нам премию.

ПАРА ПУСТЯКОВ

Как только учебный год кончился, весь класс во дворе собрался. Обсуждали, что будут летом делать. Все разное говорили. А Володя сказал:

— Давайте Анне Петровне письма напишем. Где кто будет, оттуда напишет. О том, что увидел летом. Как провёл время.

Все закричали:

— Правильно! Правильно!

На том и порешили.

Разъехались все кто куда. Клим в деревню поехал. Он там сразу письмо написал — пять страниц. Он написал:

«Я в деревне спасал тонущих. Они все остались довольны. Один спасённый мне сказал: «Если б не ты, я бы утонул». А я ему сказал: «Для меня это па-

ра пустяков». А он сказал: «А для меня не пара пустяков». Я сказал: «Конечно, для тебя не пара пустяков, а для меня пара пустяков». Он сказал: «Спасибо тебе большое». Я сказал: «Совсем не за что, потому что для меня это пара пустяков».

Я спас человек пятьдесят или сто. Даже, может быть, больше. А после они перестали тонуть, и спасать стало некого.

Тогда я увидел лопнувший рельс. И остановил целый поезд. Люди выбежали из вагонов. Они обнимали меня и хвалили. А многие целовали. Многие просили мой адрес, и я им давал свой адрес. Многие дали свои адреса, и я брал с удовольствием их адреса. Многие мне предлагали подарки, но я сказал: «Только, прошу вас, без этого». Многие меня фотографировали, со многими я фотографировался, многие мне предлагали ехать сейчас же с ними, но бабушку я не мог оставить. Я ведь не предупредил её!

Потом я увидел горящий дом. Он горел вовсю. А дыму было сколько угодно. «Вперёд! — сказал я сам себе. — Непременно там кто-нибудь есть!»

Кругом меня падали балки. Несколько балок упало сзади меня, а несколько — впереди. Несколько балок упало сбоку. Одна балка упала мне на плечо. Две или три балки упали с другого бока. Пять балок упало мне прямо на голову. Несколько балок ещё где-то упало. Но я не обращал внимания. Я рыскал по всему дому. Но никого, кроме кошки, там не было. Я выбежал с кошкой на улицу. Хозяева дома были тут. В руках они держали арбузы. «Спасибо за Мурку, — сказали они. — Мы только что из продмага».

Они дали мне один арбуз. Потом все тушили дом...

Потом я увидел старушку. Она переходила улицу. Я сейчас же пошёл ей навстречу. «Разрешите, пожалуйста, — сказал я, — перевести вас на другую сторону». Я перевёл её на ту сторону и вернулся обратно. Подошли ещё старушки. Их тоже я перевёл на ту сторону. Некоторым старушкам не нужно было на ту сторону. Но я говорил: «Пожалуйста, я переведу вас туда и обратно. И вы снова будете на этой стороне».

Они все говорили мне: «Если б не ты, мы не перешли бы». А я говорил: «Для меня это пара пу-стяков».

Две или три старушки не хотели переходить. Они просто сидели на лавочке. И смотрели на ту сторону. Когда я спросил, не нужно ли им на ту сторону, они сказали: «Нам туда не нужно». А когда я сказал, почему бы им не прогуляться, они сказали: «Действительно, почему бы нам не прогуляться?» Я их всех перевёл на ту сторону. Они там сели на лавочку. Обратно они не хотели идти. Как я их ни упрасивал.

Клим много всего написал. Он был очень доволен своим письмом. И отправил письмо по почте.

Потом лето кончилось. Начались занятия. На уроке Анна Петровна сказала:

— Очень многие написали мне письма. Хорошие, интересные письма. Некоторые я вам прочту.

«Сейчас начнётся, — думал Клим. — В моём письме много геройских поступков. Все будут хвалить меня и восхищаться».

Анна Петровна прочла много писем.

А его письма не прочла.

«Ну, тут всё ясно, — подумал Клим. — Письмо в газету отправили. Там его напечатают. Может быть, будет мой портрет. Все скажут: «Ой, это он! Смотри-те!» А я скажу: «Ну и что же? Для меня это пара пустяков».

Я СМОТРЮ В ОКНО

Я жду окончания урока. Смотрю со двора в окно класса. Мой папа стоит у доски, что-то пишет.

Я вижу весь класс. Вон сидит толстый мальчишка. Я вижу, как он лезет в парту, берёт булку и суёт в рот. Правда, булка не очень большая, но как мог он её запихать всю в рот? Это очень меня удивило. Он даже не смотрит на папу. Он смотрит куда-то в сторону и всё жуёт и жуёт.

Вон рыжий стучит крышкой парты. Он стучит не так чтобы сильно, но я слышу стук...

Вон скорчил рожу мальчишка, потом вдруг запел. Поёт он не очень громко, но я слышу, как он поёт:

С моей родною конницей
Связался я навек...

А папа стоит к ним спиной. На доске что-то пишет. Он не слышит, наверное, ни стука, ни песни, не видит, как толстый ест булку...

Мальчишка поёт всё громче:

С моей родною конницей
Связался я навек...

Вот папа кончил писать. Он повернулся к классу. Убрал со лба волосы. Положил мел.

Стук и пение прекратились.

Только толстый мальчишка жуёт. Он не может сжевать свою булку. Ещё бы! Правда, булка не очень большая, но сразу её не сжуёшь.

— Вы поняли? — говорит папа.

— Поняли! — кричит толстяк. Он почти что сжевал свою булку.

Я не думаю, чтобы он понял. Он ведь ничего не слышал. Он совсем не смотрел на доску.

— Все списали? — говорит папа.

— Все! — кричит толстый мальчишка. Хотя он ничего не списал. Я же видел.

— Запишите задание на дом.

Папа диктует задание. Но записывают не все. Я же вижу, кто записывает, а кто не записывает.

Я отхожу от окна. Мне не хочется, чтобы меня папа увидел. Не знаю сам почему.

Сейчас будет звонок, папа выйдет.

Я жду папу возле дверей. Я часто сюда прихожу. Жду папу. И мы

с ним идём домой. Правда, дом наш напротив школы. Но что ж из этого? Так веселей мне и папе.

Скоро и я пойду в школу. Неужели и я точно так же не буду слушать учителя, а только буду стучать крышкой парты и вот так на уроке пихать булку в рот и петь песни?

Нет, ни за что на свете!

А вот и папа!

Мы с ним обнимаемся. И вместе идём домой.

МЯЧ И ЧИЖ

Настал первый день каникул. Вожатый и октябрята собрались в школе. Вожатый сказал:

— Мы должны позаботиться, чтоб на каникулах не было скучно.

— Сходим в музей!

— Купим мяч!

— Купим чижа!

На другой день вожатый и октябрята обсуждали вопрос о хоккейном мяче и чиже для кружка юннатов.

На третий день они не могли решить, что купить: мяч хоккейный или чижа.

На четвёртый день во главе с вожатым октябрята пришли к выводу, что хоккейный мяч нужен ничуть не меньше, чем чиж.

— Мы собираемся в пятый раз, — заявил вожатый на следующий день, — у меня с головой что-то творится.

Октябрята на это ответили:

— У нас тоже головы не чугунные. Но мы должны решить этот вопрос. И решили, что чиж — чудесная птица, но и мяч хоккейный — хорошая штука.

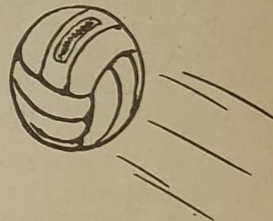
На шестой день октябрята с вожатым были склонны купить хоккейный мяч, если бы не имели в виду чижа.

На седьмой день они заседали, как прежде, и вопрос стоял о мяче и чиже. Только пока ещё не было ясно, что именно лучше купить.

На восьмой день вожатого не пустила мама, он переутомился и слёг в постель.

На девятый день октябрята пришли к вожатому. Он, приподнявшись с постели, сказал:

— Вопрос решён. Мы купим чижа. Каникулы завтра кончаются, хоккейный мяч уже ни к чему... тем более, что его самим можно сделать.

ПРИВЫЧКА

Не успели приехать в пионерлагерь, а уже тихий час! Не хочется человеку спать — так нет, спи, хочешь не хочешь! Как будто мало спать ночью — ещё днём спи. Тут бы пойти искупаться в море — так нет, лежи, да ещё глаза закрой. Книжку и то почитать нельзя. Стал я напевать чуть слышно. Напевал, напевал и заснул. За ужином думаю: «Ага, вот оно что: чтоб заснуть, нужно что-нибудь спеть. Иначе никак не уснёшь».

На другой день я как только лёг, так сейчас же тихонечко и запел. Я даже сам не заметил, как стал так громко петь, что прибежал наш вожатый Витя.

— Это ещё что за певец такой?

Я ему отвечаю:

— Я иначе уснуть не могу, вот поэтому и напеваю.

Он говорит:

— А если все запоят, тогда что будет?

— Ничего, — говорю, — не будет.

— Тогда сплошное пенье будет, а не сон.

— А может быть, тогда все уснут?

— Ты не выдумывай чепуху, а закрой глаза и спи.

— Не могу я без песни спать, у меня без этого глаза не закроются.

— Закроются, — говорит, — вот увидишь.

— Нет, не закроются, я себя знаю.

— У всех ребят закрываются, а почему у тебя не закроются?

— Потому что я так привык.

— А ты попробуй не вслух пой, а про себя. Тогда ещё скорее уснёшь и товарищей не разбудишь.

Стал я петь про себя и незаметно уснул.

На другой день мы на море пошли. Купались, в разные игры играли. Потом на винограднике работали. И я перед сном забыл песню спеть. Как-то сразу уснул. Совершенно внезапно. Совсем неожиданно.

Вот это да!

ТРУБАЧИ

Я думал, играть на трубе — пустяк. Дуешь себе, а она играет. Но оказалось, это совсем не так.

Однажды горнист на пляж ушёл, а мы с Вовкой его трубу взяли. Поиграем, думаем, две-три песни, а потом на место положим.

Вовка спрашивает:

— Ну, что сыграть?

— Сыграй, — говорю, — про весёлый ветер.

— Пожалуйста, — говорит, — у меня слух хороший.

Вовка поднял трубу вверх и стал что есть мочи дуть. Но звука не получилось.

— Наверное, — говорю, — ты слабо дуешь.

— Да нет, — говорит, — я во всю силу дую. — И стал так дуть, что я думал, он лопнет. У него даже уши красные стали.

— А ну, дай-ка мне, — говорю.

Я тоже дул, дул — никакого звука!

— Ты прав, не дудит труба.

— Может, мы не так дуем?

— А как же ещё надо дуть?

— Ну, как-нибудь по-другому.

Попробовали мы ещё по разу. Всё зря. Не дудит труба.

Тут как раз проходил Миша Зябликов. Дали ему подудеть. Может, он сможет.

Миша дунул — тоже ни звука.

Потом ещё появились ребята. Они тоже по очереди в трубу дули. А звука всё не было.

Потом вдруг Коля дунул — звук вырвался. Слабый звук, но всё же. Мы загалдели.

— Пусть объяснит, — кричим, — как это вышло!
 А он сам не знает.
 — Я, — говорит, — всё дул, дул, и вдруг —
 бац! — загудело!
 Сколько он после ни дул — всё впустую.
 Пришлось положить трубу на место. Испорченная
 труба — дело ясное.
 А вечером вдруг слышим звуки. Переливаются
 над лагерем, звенят.
 Это наш горнист Лёва играл на трубе.
 Просто чудо!..

КАК Я ПИСАЛ СТИХИ

Иду я как-то по пионерлагерю и в такт напеваю
 что попало. Замечаю — получается в рифму. Вот,
 думаю, новость! Талант у меня открылся. Побежал
 я к редактору стенгазеты.

Женька-редактор пришёл в восторг.

— Замечательно, что ты стал поэтом! Пиши и не
 зазнавайся.

Я написал стихотворение о солнце:

Льётся солнца луч
 На голову мне.
 Эх, хорошо
 Моей голове!

— Сегодня с утра идёт дождь, — сказал Жень-
 ка, — а ты пишешь о солнце. Поднимется смех и всё
 такое. Напиши о дожде. Мол, не беда, что дождь,
 мы всё равно бодры, и всё такое.

Стал я писать о дожде. Правда, долго не полу-
 чилось, но наконец получилось:

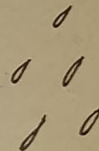

Льётся дождь
 На голову мне.
 Эх, хорошо
 Моей голове!

— Не везёт тебе, — говорит Женька, — дождь-
 то кончился — вот беда! И солнце пока не показа-
 лось.

Сел я писать о средней погоде. Тоже сразу не вы-
 ходило, а потом вышло:

Ничто не льётся
 На голову мне.
 Эх, хорошо
 Моей голове!

Женька-редактор мне говорит:

— Смотри, вон солнце опять показалось.

Тогда я сразу понял, в чём дело, и на другой день
 принёс такое стихотворение:

Льётся солнца луч
 На голову мне.
 Льётся дождь
 На голову мне,
 Ничто не льётся
 На голову мне.
 Эх, хорошо
 Моей голове!

САМЫЙ ЛУЧШИЙ ЛАГЕРЬ

Дело в том, что в «Прибрежном», «Лазурном»
 и «Горном» мы уже были. А теперь отправились с
 визитом в лагерь «Морской».

В шлюпке спор завязался, какой лагерь лучше.

Потом спор до того разгорелся, что лодка стала
 качаться, честное пионерское! Но мы всё равно спо-
 рить продолжали. Только когда Коля Яблочкин встал
 и замахал руками, мы его обратно посадили.

Коля Яблочкин закричал:

— Самый лучший лагерь — наш «Кипарисный»!
 У нас столько кипарисов, что другим лагерям нико-

гда столько не насажать, а если даже насажают, — жди, когда они вырастут! А когда они вырастут, наши кипарисы ещё больше вырастут! Вы это соображаете?! А те будут расти и расти и всё без толку! Никогда им наших в жизни не перерастить!..

Витя Курочкин закричал:

— Мне нравится «Прибрежный»! Там в воде меньше камней, чем в других местах, а в других местах камней больше!

И он стал так хвалить «Прибрежный», так орать, что его пришлось успокаивать, как Колю Яблочкина.

— Ой, девочки! — вдруг закричала Катя, когда мы проезжали мимо «Лазурного». — Пушкин знал, где стихи писать, Пушкин всё знает!

И все поняли, что ей «Лазурный» лагерь больше нравится.

Все смотрели на грот Пушкина.

Все немножко помолчали, а когда проехали, снова заспорили.

Патрик заявил через переводчика, что ему трудно ответить, какой лагерь лучше, но «Горный» не хуже.

Его спросили через переводчика, что значит «Горный» не хуже, и он ответил через переводчика, что его слова означают «Горный» лучше».

Его спросили через переводчика, чем ему «Гор-

ный» больше нравится, и он ответил через переводчика: «Потому что он на горё».

Больше его не стали спрашивать, но спор продолжался до тех пор, пока к «Морскому» не причалили.

В «Морском» лагере Витя Курочкин прямо ошалел, бегал с вытаращенными глазами мимо архитектурных сооружений и кричал, что «он всегда тянулся к бетону и стеклу». Не хотел даже ехать обратно, заявив, что он к кипарисам никогда не тянулся. А сам, между прочим, несколько раз на кипарисы пытался залезать, я видел. Однажды даже с одного кипариса на ежа свалился.

На обратном пути мимо всех лагерей ехали тоже споря.

Мы всю дорогу спорили, а в конце концов решили, что самый лучший лагерь — Артек.

Ведь это и есть Артек — все пять лагерей, о которых мы спорили.

КОМУ ЧТО УДИВИТЕЛЬНО

Танька ничему не удивляется. Она всегда говорит: «Вот уж не удивительно!» — даже если бывает и удивительно. Я вчера на глазах у всех перепрыгнул через такую лужу... Никто не мог перепрыгнуть, а я перепрыгнул! Все удивились, кроме Тани.

— Подумаешь! Ну и что же? Вот уж не удивительно!

Я всё старался её удивить. Но никак не мог удивить. Сколько я ни старался.

Я из рогатки попал в воробышка.

Научился ходить на руках, свистеть с одним пальцем во рту.

Она всё это видела. Но не удивлялась.

Я изо всех сил старался. Что я только не делал! Залезал на деревья, ходил без шапки зимой...

Она всё не удивлялась. А однажды я просто вышел с книжкой во двор. Сел на лавочку. И стал читать.

Я даже не видел Таньку. А она говорит:

— Удивительно! Вот не подумала бы! Он читает!

НУ И ЧТО ЖЕ!

— Ты опять на мороз выбегаешь без шапки?

— Ну и что же? — говорит Ника.

— Ты опять болтал на уроках?

— Ну и что же? — говорит Ника.

— Ты опять твердишь «ну и что же»?

— Ну и что же? — говорит Ника.

Прямо сладу с ним нет!

Вот однажды Ника лёг спать, и ему приснилось: идёт он по дорожке. Навстречу ослик бежит.

«Кря-кря», — сказал ослик.

«Не кря-кря, а иа», — сказал Ника.

«Ну и что же?» — сказал ослик.

Удивился Ника и дальше пошёл.

Навстречу курица скачет.

«Ау!» — сказала курица.

«Не ау, а куд-кудах», — сказал Ника.

«Ну и что же?» — сказала курица.

Удивился Ника и дальше пошёл.

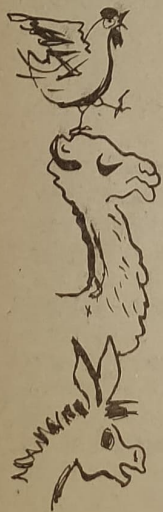
Навстречу верблюд бежит.

«Мяу-мяу!» — сказал верблюд.

«Не мяу, а по-другому», — сказал Ника.

«Ну и что же?» — сказал верблюд.

«Опять «ну и что же?!» — крикнул Ника.

И проснулся. Сел на кровати, думает: «Как хорошо, что это сон».

С тех пор он не говорит «ну и что же».

ДРУЗЬЯ

Андрюша и Славик друзья.

Они всё делают вместе. Когда Андрюша упал с веранды, Славик тоже хотел упасть с веранды, чтоб доказать, что он истинный друг.

Когда Славик пошёл вместо школы в кино, то Андрюша тогда был с ним вместе.

А когда они принесли в класс кошку и учитель спросил, кто из них это сделал, Андрюша сказал:

— Это Славик сделал.

А Славик сказал:

— Это всё Андрюша.

2!

НЕ ВЕЗЁТ

Прихожу я домой из школы. В этот день я как раз двойку получил. Хожу по комнате и пою. Пою себе и пою, чтоб никто не подумал, что я двойку получил. А то пристанут ещё: «Почему ты мрачный, почему ты задумчивый?» Отец говорит: «Чего он орёт?» А мама говорит: «У него, наверное, весёлое настроение, вот он и поёт». Отец говорит: «Наверное, пятачку получил, вот и весело на душе человека. Всегда весело на душе, когда какое-нибудь хорошее дело сделаешь». Я как это услышал, ещё больше заорал. Тогда отец говорит: «Ну ладно, Вовка, порадай отца, покажи свой дневник». Тут я сразу петь перестал. «Зачем?» — спрашиваю. «Да лад-

но уж, — говорит отец, — показывай, чего там, я вижу, тебе очень хочется дневник показать». Берёт он у меня дневник, видит там эту двойку и говорит: «Ты гляди, получил двойку и поёт! Этого ещё не хватало! Что он, с ума сошёл? Ну-ка, Вова, иди сюда! У тебя, случайно, нет температуры?» — «Нету у меня, — говорю, — никакой температуры...» Отец развёл руками и говорит: «Тогда придётся тебя показать за это пение...»

Вот как мне не везёт!

И МЫ ПОМОГАЛИ

Когда снег с крыши сбрасывали, мы всем двором помогали дворнику. На крышу нас, конечно, не пустили.

Тогда мы собрались во дворе, встали цепочкой, взявшись за руки, и никого не пускали в ту зону, куда снег падал.

Когда люди в эту зону шли, не подозревая об опасности, мы хором кричали:

— Сюда нельзя! В обход!

И все люди шли в обход.

На Ваську небольшой кусок снега сел. Кружился, кружился в воздухе и прямо Ваське на голову опустился. Васька только тряхнул головой, и этот снег на его голове растаял. Он потом всё повторял, что своей головой защитил других. Нескромно, я считаю, такие вещи заявлять. Тоже мне! Как будто это был какой-нибудь громадный кусок льда.

Нас всю дворник гнал, а мы не уходили. Так до конца помогали.

А дворник говорит, что мы мешали.

Как же так?!

Не может этого быть!

У НИКИ НОВЫЕ ЛЫЖИ

Лыжи — очень хорошая вещь! На лыжах можно с трамплина прыгать. Можно бегать наперегонки... Замечательная вещь — лыжи!

На дворе зима. Прелесть. Снежок летает. На лыжах девочки с гор съезжают. И Ника с лыжами ходит. Он их на плече носит. Ходит и носит.

Походил, походил, постоял, посмотрел.

И снова ходит.

Потом посидел на лавочке.

И опять стал ходить. И лыжи с плеча не спускает. На лыжах кататься можно. С гор съезжать. Не у каждого есть свои лыжи.

Вот он с ними и ходит. Ходил, ходил, трудно лыжи носить. Переложил их на другое плечо.

И снова ходит.

Ходит и думает: «На меня все смотрят. Все видят: я настоящий лыжник. У меня совсем новые лыжи. Красивые. На них можно с гор кататься. Можно бегать наперегонки. Замечательная вещь — лыжи».

И продолжает ходить. Как ни в чём не бывало.

Ходит и думает: «Как хорошо! Папа мне купил лыжи. Захочу — встану на них и поеду. Захочу — с горки спущусь. Хорошо иметь лыжи!»

И продолжает ходить.

Ходит себе и ходит. По сторонам посматривает. Носит лыжи на плече. И думает. Он думает, как хорошо иметь лыжи. И прочее.

А на дворе уже солнце садится. Все кончают кататься. Все кладут лыжи на плечи. И идут домой. Наконец-то!

У Ники лыжи давно на плечах.

Идёт Ника домой со всеми. Несёт на плече свои лыжи. И думает: «Лыжи — хорошая вещь. На них можно с гор кататься. Можно бегать наперегонки. И прочее».

ПОСЛЕ ЗИМЫ БУДЕТ ЛЕТО

Ника учился плавать давно. Ещё зимой. Он быстро ходил по комнате и разводил перед носом руками. Вот так: раз-два. И получалось совсем неплохо — стиль брасс. При этом он фыркал, будто в воде, — ну, как настоящий пловец! Он не раз видел, как плавают, даже видел, как чемпион плавал! Чемпион точно так же фыркал и разводил точно так же руками. Чемпион, правда, был в бассейне, а Ника ходил по комнате, — надо же научиться когда-то! Не сразу же начинать!.. Постепенно надо...

Бабушка, видя, как Ника старается, говорила:

— Вот так. Во-во!.. Хорошо! А ну, ещё!

И Ника всю старался. Ходил и фыркал.

Но вот и лето пришло. Поехал Ника в деревню. В деревне пруд. Большущий такой, пребольшущий.

Пошёл Ника к пруду. Замечательный пруд. Стоит Ника, смотрит. А в воду влезть не решается. Ребята плескаются, плавают, а он стоит и смотрит.

Ему кричат:

— Ты чего рот разинул? Иди сюда. Вода тёплая.

— Я потом, — отвечает Ника.

А про себя думает: «Ещё рано. Нужно ещё подучиться зимой. Потренироваться. Дома как-то спокойней. Спешить-то некуда. Не последнее лето. Будет ведь лето ещё!»

И верно. Будет зима. Потом будет лето. Потом снова будет зима. Потом опять лето... Что верно, то верно!

У НАС НЕТ БИЛЕТОВ

Мы походили по парку, а потом стали смотреть, как прыгают с парашютной вышки.

Некоторые не сразу прыгают, некоторые стоят до тех пор, пока их не толкнут, а некоторые, приземлившись, валяются.

Мы смотрели и смеялись, но те, наверное, нас не слышали. Тогда мы протиснулись к входу, чтобы нас лучше слышали.

Тут какая-то иностранная делегация шла прыгать. Человек сто. А может, меньше.

Мы с ними и проскочили.

Ловко мы проскочили, ничего не скажешь! Хорошо, когда без билетов проскочишь туда, где другие с билетами. Удачливые мы всё же люди, если на нас с этой стороны посмотреть!

Поднялись мы наверно с иностранцами.

Очень странная штука! Снизу вверх смотришь — одно. А сверху вниз — другое.

Неловко мне как-то стало.

Пусть, думаю, иностранцы прыгают. Им, должно быть, интересно в другой стране прыгнуть с парашютом. А нам в своей стране это вовсе не обязательно. Мы в любой день можем прыгнуть. Завтра. Или там послезавтра.

Зачем же, думаю, нам прыгать, если у нас нет билетов. Пусть эти иностранцы прыгают со своими билетами.

Тот, который ремни пристёгивает, говорит:

— Давайте побыстрее, товарищи иностранцы.

Я говорю:

— Это мы иностранцы? Какие же мы иностранцы?

Он говорит:

— Мне всё равно, из како-

го вы государства. У нас тут один парашют на всех.

Я говорю:

— У нас билетов нету.

А иностранцы говорят:

— Есть, есть билеты.

Я говорю:

— Честное пионерское, у нас нет билетов.

А иностранцы говорят:

— Есть, есть.

Сашка кричит:

— Мы советские!

Юрка кричит:

— Мы свои!

А иностранец говорит:

— Есть, есть билеты.

А мы кричим:

— Нету билетов!

Иностранцы говорят:

— Внизу билеты. У нашего главного все билеты.

Сашка говорит:

— Никакого у нас главного нету. Мы все одинаковые. Это у них главный есть. А у нас нету.

Тот, который ремни пристёгивает, говорит:

— Прыгать будете?

Мы кричим:

— Не будем!

— Что же, вы теперь будете вниз спускаться?

И другим мешать, которые поднимаются?

Он здорово разозлился.

Схватил Сашку и ремни ему пристёгивает.

Пристегнул и говорит:

— Ну, пошёл!

— Куда пошёл? — спрашивает Сашка.

Тут дядька его подтолкнул. Легонько так. Сашка сразу пошёл. То есть вниз, значит, прыгнул.

Летит и орёт. Даже стыдно за него стало. До чего всё-таки трус!

Потом дядька хватает Юрку.

Точно так же пристёгивает ему ремни. И тоже его вниз толкает.

Юрка молчал. Только трясся.

Я говорю:

— Какое вы имеете право толкать нас? Кто вам позволил толкать людей?

А он молча пристёгивает мне ремни.

Я ему говорю:

— Если вы меня толкнёте, я на вас жаловаться буду!

В это время он меня и толкнул.

Я, когда приземлился, упал.

Сашка с Юркой меня успокаивают:

— И мы тоже упали.

— Перед иностранцами неудобно, — говорю.

— Некрасиво получается, — говорит Сашка. — За их счёт прыгнули с нашей советской вышки.

Мы купили билеты. Поднялись на вышку.

И говорим:

— Вот, возьмите. А то нам перед иностранцами неудобно.

Я стал объяснять. Что мы прыгать не будем. Что нам просто перед иностранцами неудобно. Но тут он опять на меня эти ремни накинул.

Сашка с Юркой бежать хотели, но в это время как раз члены делегации поднимались.

Короче говоря, мы опять внизу встретились.

— Больше я туда не полезу, — сказал Сашка.

— Перед иностранцами неудобно, — сказал я.

— Да ну тебя с твоими иностранцами! — сказал Юрка.

ИСТОРИЯ С РЕЗИНКАМИ, КОТОРЫЕ ЖУЮТ

Чего, думаю, он всё жуёт и жуёт?

Даже мне интересно стало. Хотя я не такой любопытный. Но всё же я иногда любопытный. Может,

и мне это надо жевать. А я просто не знаю и вот не жую.

Я смотрю ему в рот, а он мне говорит:

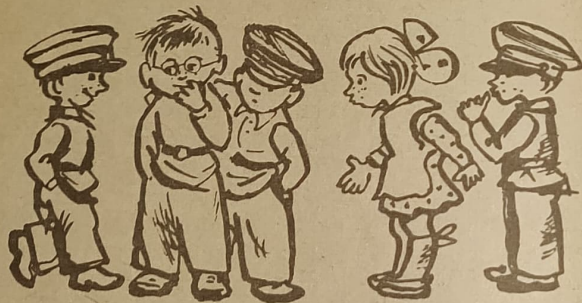
— Хочешь тоже? Редчайшая вещь!

Он вытаскивает изо рта резинку, даёт мне, а я говорю:

— Очень надо! Какую-то гадость жевать!

Тогда он говорит:

— Ты напрасно, чужак, очень редкая вещь, из Америки, жуй, я с трудом достал, жуй, у меня ещё есть, жуй себе на здоровье!

— Паршивые твои резинки, — говорю.

— Тебе просто завидно, — говорит он.

— У меня их полно, — говорю, — так и знай.

Я видел, как он удивился. Хотя он не сразу поверил. Но всё-таки он удивился.

— Так вот, — говорю, — так и знай. Могу даже пожевать. На здоровье! Из самой твоей из Америки!

— Просто чудо, — сказал он. — Так трудно достать!

— Ерунда, — сказал я. — Для меня ерунда.

Я их просто купил в магазине. Те, которые не жуют.

Я разрезал их на кусочки...

Я варил их в кастрюльке. Высушил. И дал ему. Он жевал их с восторгом.

— Великолепная страна Америка! — сказал он.

УДИВИТЕЛЬНАЯ ПРОФЕССИЯ

Как только погас у нас в комнате свет, к нам сейчас же стали стучать соседи. Они спрашивали: «Что такое?» Мы с мамой тоже пошли стучать к соседям и спрашивать: «Что такое?»

Но никто ничего не знал, и все только спрашивали: «Что такое? Что случилось?»

Только один дядя Яша сказал:

— Ничего не случилось. Погас свет — всё. Перегорели пробки.

Все собрались на улице возле подъезда.

— Вот ещё новость!

— Как это так!

— Никогда так не было!

Все говорили, что дело не в пробке, а где-то в сети, а я спрашивал, где эта пробка и сеть, но мне никто не ответил.

Дядя Яша пошёл звонить монтажникам, а все стали говорить, как погас свет.

Тётя Нюша сказала:

— Вы знаете, как только это случилось, моя кошка кинулась в кухню и съела там свежую рыбу.

Тётя Женя сказала:

— Вы слышите? Это кричит мой ребёнок. Он будет кричать, пока свет не зажгут.

Тётя Ира сказала:

— Не верится, что раньше жили без света. С какими-то свечками. С лампами, которые коптят. Жили в каком-то жалком мерцании. В каких-то потёмках.

Наша бабушка сказала:

— Как же, помню! Ещё как помню! И ламп-то у нас не было. Темень. Мрак. Ничего не видно.

Бабушка наша жила при царе. До сих пор возмущается царским режимом. Как начнёт — не останется. Но тут монтеры приехали.

Я смотрю, как будут свет зажигать. Интересно ведь!

Подъезжает к столбу машина. Вместо кузова круглый такой балкончик. В этот балкончик залез монтер. И балкончик стал вверх подниматься. Монтер добирается до проводов. И что-то там с проводами делает.

И загорается свет во всём доме.

Монтер говорит:

— Всё в порядке!

Наша бабушка говорит:

— Удивительная у вас профессия!

Монтер говорит:

— Это дело простое...

Тётя Ира говорит:

— Замечательное ваше дело!

Тётя Женя говорит:

— Вы слышите? Мой ребёнок смеётся.

Тётя Нюша говорит:

— Зашли бы в гости. Я для вас свежей рыбы на жарю.

Монтер отвечает:

— Я рыбу люблю. Но нас ждут в другом доме.

И он уезжает в своей машине.

Я смотрю вслед и думаю: «Вот бы мне ездить в такой машине! Я нёсся бы во весь дух по улицам. Я просил бы шофёра: «Скорей!

Скорей!» Мы обгоняли бы все машины. Даже, может быть, пожарную машину. И люди бы, глядя на нас, говорили:

«Смотрите! Смотрите, монтеры едут! Удивительная у них профессия!»

ДЕЛО НЕ В ТОМ, ЧТО Я МЯЧ НЕ ПОЙМАЛ

Я вообще вратарь неплохой. А тут вот случилось такое. Стою я в воротах. Вдруг вижу — Таня идёт.

Я сразу вратарскую позу принял. И одной рукой защищаюсь от солнца.

И всё из-за солнца вышло. Солнца-то, не было. Я из-за позы всё.

И тут мне — бац! — гол забили.

Я прыгнул — поздно.

На уроке Таня записку мне пишет: «Ты очень здорово падаешь».

Ох и разозлился я! Значит, я только падаю здорово, а вратарь, значит, я никудышный? Не буду с ней разговаривать.

Целый месяц с ней не разговаривал.

Через месяц стал разговаривать.

Ей и вправду понравилось, как я падал. Как в кино, говорит.

Зря я месяц с ней не разговаривал.

КОМАНДА

Скоро выйдем на лёд в боевом составе!

Коля и Витя выздоровели от гриппа. Митя выздоровел от коклюша. Андрюша тоже выздоровел. Гена приехал из Москвы, где он жил с родителями три года. Саша, загорелый как чёрт, вернулся с отцом, послом из Индии.

Сашу мы никак не ожидали. Хоккейная команда

из шести человек состоит, а он седьмым оказался, то есть лишним.

Мы ему спокойно объясняем:

— Ты нас извини, но ты седьмой. Мы тебя не можем включить в свою команду. Откуда мы знали, что ты приедешь!

— В какую команду? — спрашивает.

— Известно в какую, не в пожарную же!

— А зачем мне в команду? — спрашивает.

Мы как заорём:

— Да ты что?! В команду не хочешь?!

Он перепугался и говорит:

— Хочу, хочу!

— Но мы тебя взять не можем.

— Почему?

— Вот чудак, потому что ты седьмой!

— А вы какие? — спрашивает.

— Мы укомплектованная команда.

Он в затылке почесал и говорит:

— А я?

— А ты седьмой!

— Ну и что?

Мы ему говорим:

— Раз ты русских слов не понимаешь, мы тебя даже запасным не возьмём.

Он рот скривил, весь задрожал от злости, сплюнул в нашу сторону и говорит:

— Катитесь-ка вы все от меня колбаской!

Красный стал. Так ничего и не понял.

Оказалось, мы ещё забыли Толика. Он такой тихий, и мы его из виду выпустили.

— Может быть, шахматами займёшься? — спрашиваем.

— Могу, — говорит, — и шахматами заняться.

— А мы тебя хотели в команду взять.

— Ладно, — говорит, — берите.

— Только у нас места нет.

— Ну и не надо, — говорит, — не берите.

— Ты ведь даже не знаешь, какая у нас команда!

— Берите, мне не жалко, — говорит.

— И нам не жалко, только ты, пожалуйста, не переживай.

— Да я и не переживаю.

— Знаем мы тебя. На вид не переживаешь, а внутри с ума сходишь.

— Тогда берите, — говорит.

— Сознайся, правда ведь с ума сходишь по нашей команде?

Он молчит.

Мы к нему всю пристали, чтобы сознался.

Он молчал, молчал, а потом головой мотнул — сознался. Мы его запасным взяли.

Настал день встречи с соседним двором.

Солнце светит. Тепло. С крыш каплет. Настроение у нас боевое. Спортивная форма на высоте. А вместо катка лужа...

Саша, загорелый как чёрт, ходит вокруг лужи и улыбается.

Коля говорит Вите:

— Когда мы с тобой гриппом болели, лужи не было. Может быть, это Сашина работа? Может быть, он солью посыпал?

Ни с того ни с сего над Митей стали смеяться:

— Эх ты, из-за своего коклюша весь хоккей прокашлял!

Он разволновался и снова закашлял.

Андрюша встал в лужу и говорит:

— Тут ещё немножечко льда осталось, может быть, всё-таки удастся сыграть?

Хотя ясно, что не удастся.

Гена говорит:

— Если бы я знал, я бы из Москвы не уезжал, там совсем другая обстановка, — и со всей силой швырнул сосулькой в смеющегося Сашу.

Мы долго вели разговоры, всё в таком же духе, никак не могли от лужи отойти.

Вдруг Витя говорит:

— Ребята! Давайте футбольную команду собирать, раз так вышло.

Его все поддержали, даже обрадовались.

Мы стали тут же футбольную команду собирать, чтобы в долгий ящик не откладывать. По всем правилам — одиннадцать человек.

Гена кричит Саше:

— Иди сюда! Не бойся!

Тот не идёт.

Мы ему кричим:

— Иди, иди сюда, мы тебе ничего не сделаем!

Он не идёт.

— Я! — кричит. — Могу! Вас всех! Такой сосулькой забросать! Что вы у меня вдребезги разлетитесь!!!

— Да никто в тебя сосулькой бросать не собирается, у нас к тебе дело есть!

— Я с вами никаких дел иметь не желаю! — отвечает. — Я вас ещё сосульками не так закидаю, подождите!

— Да отстань ты со своими сосульками, — говорим, — закидай, пожалуйста, у нас к тебе серьёзное предложение.

А он громадную сосульку оторвал от водосточной трубы и грозит.

С трудом его уговорили, он сосульку бросил, и мы к нему подошли. Зовём его в нашу футбольную команду, а он упирается.

— Так, так... — говорит, — теперь у вас положение изменилось, так вы ко мне пришли? Катитесь вы колбаской!

— Смотри, — говорим, — потом пожалеешь! Мы тебя даже запасным не возьмём!

А он своё:

— Не выйдет у вас это! Не пройдёт!

Толик очень удивился, что он теперь футболистом будет.

— А раньше кем я был? — спрашивает.

— Раньше хоккеистом.

— Когда же я им был?

Он, оказывается, не знал, в какую команду мы его вначале включили. Ему, оказывается, всё равно было: состоять в какой-нибудь команде или не состоять.

Пошли по квартирам собирать недостающих.

Сплошная морока с этими недостающими!

Если бы мы в футбол уже играли, они бы умоляли взять их в команду, а когда мы к ним заранее пришли, они упираются. Мы даже к малышам обратились.

Один малыш говорит:

— А вы мне в копилку положите пять копеек?

Мы ему обещали, и он дал своё согласие.

Другой малыш сказал:

— Сейчас у меня со временем туго. Я способный пианист, усиленно упражняюсь на рояле. Обещать вам не могу, но постараюсь. Только не вратарём. Не имею права портить руки о мяч.

Витя возьми да скажи:

— А ноги тебе портить можно? — Взял способного музыканта за уши да потянул.

Малыш завыл, а Коля сказал:

— Я его, кажется, по телевизору видел, он на рояле играл.

Витя говорит:

— Подумаешь! Нас тоже скоро по телевизору покажут! Всю команду.

Пенсионер дядя Петя Макагонов выразил желание стоять в воротах, раз у нас такое критическое положение. Хотя он и пошутил, но мы ему вполне серьёзно отказали.

Забавный инцидент произошёл с Галей Хорошайловой. Она узнала, что мы футбольную команду собираем, за нами увязалась, претендует на роль центра нападения.

Мы ей объясняем:

— Ну кто ты такая, посмотри на себя!

Она говорит:

— Я центр нападения.

Мы смеёмся, а она в ответ:

— А вы дураки!

Еле, еле от неё отвязались.

Одиннадцатого игрока мы долго найти не могли, как вдруг появляется во дворе бывший хулиган Николай Богданов. Я сразу ему предложил встать в воротах.

А он мне как щёлкнет в нос, да с такой силой, что слёзы из глаз потекли.

— Я, — кричит, — тебе покажу, как надо мной издеваться!

Мы от него разбежались в разные стороны и за сараем собрались.

Неожиданно дядя Петя появился, схватил Богданова за руку и говорит:

— Вместо того чтобы исправиться, ты опять за старое!

Богданов задрожал и говорит:

— Буду, буду стоять в воротах!

Дядя Петя говорит:

— Я и то согласился, а ты кривляешься, ишь ты какой важный!

Но как только дядя Петя его отпустил, Богданов

отбежал на почтительное расстояние и стал орать:

— Ловите! Ловите! — и по водосточной трубе полез на крышу.

Дядя Петя вздохнул и говорит:

— Пропадёт человек, а жаль. Ничего, мы за него возьмёмся. А вы не печальтесь, ребята, я вам своего внука из пятнадцатого дома приведу, он будет счастлив.

— Только вы никому ни слова, что он не из нашего двора, а то скандал будет.

Дядя Петя сначала не понял, почему скандал будет, а когда разобрался, что подлог получается — чужих игроков переманиваем, а сами от имени своего двора выступаем, засмеялся и говорит:

— Никому на свете не скажу, можете на меня положиться.

Мы на него целиком положились и всей командой пошли есть мороженое.

А потом Саша вынес свой новый индийский мяч во двор, и мы его гоняли по лужам, лупили что есть силы по сосулькам, вóсю тренировались.

Устали и отправились в соседний двор договариваться о встрече.

ЕЛКА И ЗАЯЦ В ПРИДАЧУ

Я люблю Новый год! В Новый год всюду ёлки. В Новый год всегда весело. В Новый год всем подарки дают. У нас много игрушек в ящике, много разных

шаров, золотых цепей: Скорей бы их все на ёлку! Сегодня мама сказала:

— Пойдём сходим за ёлкой.

Я оделся, и мы пошли.

Навстречу нам мальчик вёз ёлку на санках. У него была очень хорошая ёлка. Густая.

— Вот такую хочу! — крикнул я.

— Хорошая ёлка, — сказала мама. Она спросила, где мальчик купил свою ёлку.

— За углом, — сказал мальчик. — Вон там, за углом. Целый час выбирал.

Он был очень доволен.

— Спасибо, — сказала мама.

— Пожалуйста, — сказал мальчик. — Вон там, за углом. — Он махнул рукой. — На автобусе. Шесть остановок.

Мы с мамой сели в автобус.

Там ёлки только что кончились. На снегу валялось несколько веток.

— У меня суп на плите, — сказала мама. — У меня в тазу мокнет рыба. Я не могу таскаться за ёлкой. Придётся ждать папу.

Мы вернулись домой без ёлки.

Папа был дома. Он сразу решил:

— Едем к Коле. Подыщем там ёлку. Там сейчас трассу прокладывают. Рубят лес.

Дядя Коля — папин брат. Он лесник. Я люблю ездить в гости к дяде Коле. Я там в лесу зайца видел.

У дяди Коли суп из сушёных грибов. Сколько хочешь варенья.

Я запрыгал от радости и запел:

— Я еду к дяде Коле, где зайцы и разные птицы, варенье, и ёлки, и суп из сушёных грибов!

— И охота вам, — сказала мама, — тащиться в такую даль! За какой-то ёлкой. Когда можно купить ёлку в городе.

— Ты в городе с ним уже была. И почему-то вер-

нулась без ёлки! Ребёнку нужна срочно ёлка! Новый год на носу, а он без ёлки!

— Ну да! — сказал я. — Как же так!

— У нас вечером гости, — сказала мама. — Ты не забыл?

Мама сердится.

Папа уже в пальто и шапке.

— Мы успеем ещё сто раз вернуться. К двенадцати-то уж мы вернёмся!

Ох и люблю я папу! Он-то знает, как мне нужна ёлка. Он-то знает!

В поезде было много народу. Я занял место возле окна. Шёл снег. Потом снег пошёл такой сильный, что залепил всё окно, и в вагоне стало совсем темно.

Кто-то сказал:

— Ишь повалил!

«Вот и хорошо! — думал я. — Ох и здорово! Столько снегу! Вот это зима! Эх, и покатаюсь же я на санках! Эх, и поваляюсь в снегу! Давай, снег, иди, иди! У меня завтра начнутся каникулы. Мне нужен снег. Много снегу!»

И снег всё шёл за окном и шёл. Как будто бы он для меня старался.

Я всё всматривался в окно, дышал на стекло, чтобы хоть что-нибудь увидеть. Мне показалось, что я вижу лес, и я крикнул:

— Вон ёлки! Вон ёлки!

— Ишь крикун, — сказал кто-то.

— Мы едем за ёлкой, — пояснил папа. — Вот он и обрадовался.

— Рубить? — спросил дед в полушубке.

— Ага, — сказал папа.

— Не советую, — сказал дед.

— Почему? — удивился папа.

— Он ещё спрашивает, — сказал дед. — Вы что, не понимаете? Ваш сын может ещё не понять. Но вы-то, конечно, должны понять. Вам-то должно быть

понятно. Поймите! Ведь пока ёлка вырастет, пройдут годы! А её — топором. Что уж тут не понять!

— Да погодите вы, — говорит папа. — Я вас понял. И с вами согласен. Но тут дело совсем другого рода. Мы не такие варвары...

— А топорик с собой прихватили, да?

— Дайте сказать! Вот заладили!

Дед махнул рукой и замолчал.

— Мы знаем, — сказал я, — где можно рубить. И дядя Коля знает.

— Ну, рубите, рубите, — сказал дед. — Только как вы её повезёте? Любой вас остановит.

— У нас будет квитанция, — сказал папа. — Успокойтесь, пожалуйста.

— Я-то спокоен, а вот как вы? Едете на такое дело!

— Да успокойтесь вы, — говорит папа.

— Я-то спокоен, — говорит дед.

— Не беспокойтесь, — говорю я.

— Вот ещё! — говорит дед. — Он меня успокаивает. Полюбуйтесь!

— Вы посмотрите! — сказала какая-то женщина. — Какие растут боевые дети! Прямо диву даёшься.

Поезд подходил к станции. Дед стал собираться. Он взвалил на спину мешок, сказал: «Ну и народ!» — и, не попрощавшись ни с кем, ушёл.

— Суровый дед, — сказал кто-то.

— Не шадят лес, — сказал толстый дядька.

Тогда папа всем рассказал про дорогу, как прокладывают её в лесу, потому рубят лес, — и все были довольны.

А толстый дядька дал мне конфетку. И пожелал чудесной ёлки. И успокоил папу, чтоб он не расстраивался.

Потом в вагоне зажётся свет. У папы шапка свалилась на пол. А он спит себе. Я поднял шапку, папа проснулся.

— Я беспокоюсь, — говорит папа, — успеем ли мы вернуться.

— Успеем, — говорю я.

Я стараюсь увидеть в окно что-нибудь. Но я ничего не вижу. Иногда проносятся огоньки. И это всё. Всё-таки в поезде ехать скучно. Сначала кажется интересно, а потом вовсе не интересно. Особенно если ночью едешь. Днём хоть в окно что-нибудь увидишь, а ночью так ничего не увидишь. Я думал о том, сколько нам ещё ехать, как вдруг папа мне говорит:

— Ну, вот мы и приехали!

Мы выходим на станцию. Звёзд в небе полным-полно. И лёгкий снежок летает. Тишина.

— Ох и темень же, — говорит папа, — кажется, нужно сюда, в эту сторону.

Мы идём по дорожке между ёлок, и папа освещает путь фонариком. Мне трудно идти. Столько снега! Я иду по колено в снегу. Потом папа берёт меня на руки.

— Ох и тяжёлый же! — говорит папа; он поднимает меня и сажает на плечи. И вот так мы идём.

Вон дом дяди Коли. Одно окно светится. Значит, он дома.

Стучим в окно.

Дядя Коля — огромный, до потолка. У него большая борода, как у деда-мороза. У дяди Коли большие руки. Он протягивает нам руки. Улыбается. Обнимает нас. Папа ему говорит:

— Вот, неожиданно-негаданно!

Я сразу спрашиваю:

— Есть суп с грибами?

— Есть, — отвечает дядя Коля.

— А варенье?

— Конечно, есть.

— А в лесу волки есть?

— Для тебя всё есть, — говорит дядя Коля.

Дядя Коля нас угощает. У дяди Коли всё очень вкусное. Я бы всё ел и ел, до того всё вкусно!

— Ребёнок объестся, — говорит папа.

— Не мешай ему, — говорит дядя Коля. — Он знает, что делает.

Я, конечно, знаю, что делаю. Я прошу ещё варенья. Дядя Коля даёт мне ещё варенья. И я чувствую, что уже не хочу.

— Он совсем мало ест, — говорит дядя Коля.

Я съедаю своё варенье. И мы все идём за ёлкой.

Я всматриваюсь в темноту. Ёлок здесь много. Но мне хочется зайца увидеть. Но я зайца нигде не вижу. Как ни всматриваюсь в темноту.

Дядя Коля нам говорит:

— Вот здесь строят дорогу. Она пройдёт через весь этот лес. Это будет большая дорога. Я всю жизнь прожил здесь в лесу. Со зверями и птицами. Для меня это чудо какое-то.

— Выбери ёлку нам, — говорит папа, — а то мы

не успеем на поезд. Ты не знаешь, когда последний поезд?

Дядя Коля нам выбирает ёлку.

Мы идём с ёлкой на станцию. Дядя Коля нас провожает.

Он не хочет, чтобы мы уезжали. Попозже придет тётя Вера. Она привезёт гостинцев из города. И мы можем здесь встретить Новый год.

— Мы с удовольствием, — говорит папа. — Но ведь ты знаешь Варвару. Потом, у нас гости. Мы обещали вернуться.

Дядя Коля хочет, чтоб мы остались, но он прекрасно знает Варвару. И не обижается.

Дядя Коля нас провожает до станции.

Мы стоим на перроне, а дядя Коля пошёл узнать, скоро ли будет поезд. Он возвращается и говорит, что там что-то случилось на линии, там какой-то снежный занос, поездов пока в город не будет. Из города, может быть, будет поезд, но, может быть, тоже не будет. Так что тётю Веру мы ждать не будем. А сейчас же сядем за стол в избе и проводим пока старый год.

— Боже мой, — говорит папа, — нас ждут гости. Нас ждёт Варвара. Все ждут нашей ёлки. Какой скандал!

— Мы позвоним туда со станции. — Дядя Коля идёт звонить...

— Ну, вот и всё, — говорит дядя Коля. — Я всё объяснил, и всё в порядке.

— Что сказала Варвара? — волнуется папа.

— Она поздравила всех с Новым годом.

— Это правда? — говорит папа.

— Ещё бы, — смеётся дядя Коля.

Мы идём обратно. Мне, конечно, жалко маму. Она о нас там беспокоится. Она всегда о нас беспокоится. Но, в конце концов, мы мужчины. Мы встретим здесь Новый год, в лесу. К тому же здесь не так плохо. Здесь даже, по-моему, хорошо.

Входим в дом.

— Ну, как ты ведёшь себя, неплохо? — спрашивает дядя Коля.

— Ой, — говорю, — хорошо веду!

— Это правда?

— Как будто, — говорит папа.

Вот он какой, мой папа! Он никогда меня не подведёт!

Дядя Коля ходит по комнате и что-то ищет. Он что-то ищет, а я смотрю и, конечно, не знаю, что он ищет. Дядя Коля просунул руку за шкаф — и вдруг я вижу: он держит зайца! Настоящий заяц! С большими ушами!

Я всю жизнь мечтал о зайце!

Я взял зайца и крепко держу. Такой симпатичный заяц! Ну просто прелесть!

Дядя Коля мне говорит:

— Ты не жми его так. А то задушишь. Ты держи его за уши.

— Как это так — держать зайца за уши? Если меня, например, держать за уши?

Дядя Коля смеётся:

— Вот чудак! Он же заяц! Держи его за уши!

Но я не стал держать зайца за уши. Хоть он и заяц. Мало ли что он заяц!

Вдруг заяц вырвался и побежал.

— Вот видишь, — смеётся дядя Коля. — Нужно было держать его за уши!

Я искал зайца по всей избе. Опрокинул банку с вареньем. Папа сказал:

— Зря ты ему дал этого зайца. Он теперь тут всё перевернёт.

— Пусть радуется, — говорит дядя Коля, — пусть себе переворачивает. Пока Веры нет.

Папа ставит ёлку в угол.

Я ищу зайца.

— Отдохни немного, — говорит папа, — ты погляди, какая ёлка!

Ёлка вся в тепле оттаяла и искрится.

Папа повесил на ёлку конфеты. Дядя Коля берёт будильник и вешает его тоже на ёлку. Будильник тикает на ёлке.

Дядя Коля опять накрывает на стол. А папа вздыхает.

— Как всё получилось, — говорит он. — Как-то странно всё получилось.

— Ты не рад? — спрашивает дядя Коля.

— Нет, я рад, — отвечает папа.

— Так в чём же дело?

Я тоже рад.

Я ищу под кроватью зайца. Вон он там в угол забился. Сейчас я его достану!

Я очень рад. Как я могу быть не рад? Я так рад! У меня такой замечательный заяц! Такая ёлка! Вы просто не знаете, как я рад!

Папа просит ещё позвонить домой.

Дядя Коля идёт во второй раз на станцию, возвращается и говорит: тётя Вера у нас, они с мамой готовятся к Новому году, они будут вместе встречать Новый год, и всё, в общем, в порядке.

— Не совсем в порядке, — вздыхает папа.

— Да ну тебя, — говорит дядя Коля.

— А гости? — спрашивает папа.

— И гости там, — говорит дядя Коля.
— Чёрт знает что, — вздыхает папа, — они там,
а мы здесь...

— Да что ты, — говорит дядя Коля, — наоборот:
мы здесь, а они там.

Подумаешь, гости! Они и без нас обойдутся. Зато
у меня заяц есть. А был бы я дома с гостями? Не бы-
ло бы никакого зайца. Я, правда, люблю, когда гости.
Но зайца я даже больше люблю.

Дядя Коля наливает вино в бокалы и говорит:

— Скоро будет двенадцать. Мы выпьем за Но-
вый год. Самый лучший и самый счастливый...

А я беру зайца за уши, тихонько открываю дверь
и выпускаю его в лес.

Пусть он встречает Новый год со своими зайцами.

СОДЕРЖАНИЕ

Как я боялся	3
Паровозик в небе	5
Рассеянный	—
Абсолютно верно	6
Болтуны	7
Яндреев	8
Был не крайний случай	9
«Козёл-баран»	—
Как я всех обмануть хотел	10
Про металлолом	11
Неужели вы не понимаете, Катерина Митрофановна?	12
Второклассники и старшеклассники	15
Еж	16
Пароход и лошадь	17
Удивительное предложение	—
В любом деле нужно уметь работать	19
Премия	22
Пара пустяков	24
Я смотрю в окно	27
Мяч и чиж	28
Привычка	30
Трубачи	31
Как я писал стихи	32
Самый лучший лагерь	33
Кому что удивительно	35

Ну и что же?	36
Друзья	37
Не везёт	—
И мы помогали	38
У Ники новые лыжи	39
После зимы будет лето	40
У нас нет билетов	41
История с резинками, которые жуют	43
Удивительная профессия	45
Дело не в том, что я мяч не поймал	47
Команда	—
Елка и заяц в придачу	53

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Голявкин Виктор Владимирович

МЯЧ И ЧИЖ

Рассказы

Ответственный редактор Л. Р. Баруздин. Художественный редактор И. Г. Найдёнов. Технический редактор Т. А. Патеюк. Корректор Л. И. Джигрюк.

Сдано в набор 19/X 1971 г. Подписано к печати 10/III 1972 г. Формат 60×90^{1/8}. Печ. л. 4. (Уч.-изд. л. 2,99). Тираж 600 000 экз. ТП 1972 № 207. Цена 11 коп. из бум. № 2.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР, Москва, Центр. М. Черкасский пер., 1. Калининский полиграфкомбинат детской литературы Росглавополиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46. Заказ № 326.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

В серии «Книга за книгой» в 1972 году
выходят следующие книги:

АСТАФЬЕВ В.

ДЯДЯ КУЗЯ — КУРИНЫЙ НАЧАЛЬНИК.

Весёлые рассказы о колхозных делах.

ЕВДОКИМОВ Н.

РАССКАЗ О КРАСНОМ ГАЛСТУКЕ.

Глава из романа «У памяти свои законы»
рассказывает о том, как девочка-пионерка
дорожит своим пионерским галстуком.

НАДЕЖДИНА Н.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ КАШТАНОВА-МЛАДШЕГО.

Четыре рассказа, в которых раскрываются
характеры четырёх мальчиков.

Эти книги по мере выхода их в свет можно
приобрести в магазинах Книготорга
и потребительской кооперации.
